

РУССКИЕ
ПОЭТЫ
XIX ВЕКА

ХРЕСТОМАТИЯ

СОСТАВИЛ
Н. М. ГАЙДЕНКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1958

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемая хрестоматия имеет цель дать студентам историко-филологических факультетов и преподавателям литературы возможно более полное представление о развитии русской поэзии XIX века по преимуществу на образцах малых лирических жанров.

Составитель, не претендуя на исчерпывающую эмпирическую полноту, не включает всех поэтов XIX века и полагает, что знакомство с представленными поэтами даст возможность читателям достичь цели, поставленной перед хрестоматией.

Произведения в хрестоматии отбираются прежде всего по их исторической характеристике для литературной эпохи, типичности для творческой индивидуальности того или иного поэта, популярности среди читателей, а также по глубине их содержания и художественному мастерству.

Соблюдение принципа историзма заставило включить в хрестоматию произведения предшественников русских поэтов XIX века — Державина, Фонвизина, Радищева, — идейно-художественные принципы которых стали творческими традициями в истории русской поэзии прошлого столетия. Нельзя понять поэтов-радищевцев, поэтов-декабристов, формирование всей гражданской лирики первой четверти века без названных авторов.

На том же основании в хрестоматии представлены лирические стихотворения и широко известных поэтов: Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Это поможет читателю наглядно увидеть, в отличие от тематического и жанрового однообразия второстепенных поэтов, часто обладавших большой поэтической культурой, многообразие и сложность творчества великих художников слова, которое подобно большим рекам вобрало в себя и малые ручейки и притоки. В связи с этим составитель не мог ограничиться, представляя творчество этих поэтов 3—4 стихотворениями, которых достаточно для поэтов второстепенных.

Заканчивается хрестоматия стихотворениями М. Горького, потому что в них с наибольшей силой выразились в конце века гражданский пафос и социальный оптимизм, как мотивы, характерные для всей прогрессивной литературы XIX века, ставшие затем основными в творчестве пролетарских поэтов начала XX столетия.

Из поэтов 80—90-х годов берутся лишь те, творчество которых или завершилось в XIX веке или было непосредственно связано в это время с традициями литературы и общественной мысли 70—80-х годов.

Тексты располагаются в хронологической последовательности по периодам (имеющим подразделения): I. Поэты 1790—1830-х годов. II. Поэты 40—50-х годов. III. Поэты 60-х годов. IV. Поэты 70—90-х годов.

При составлении хрестоматии учтен опыт аналогичных изданий: Н. В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образцах» (1873—1888 годы), А. Н. Сальникова «Русские поэты» (1901), Аркадия Сосницкого «Русская поэзия» (1902), П. Я. «Русская муза» (1908 и 1914) и другие.

Редакционный комментарий состоит из кратких библиографических сведений и характеристик творчества, предпосылаемых к произведениям, и примечаний в конце книги, указывающих время и место первой публикации стихотворения, текст, с которого оно печатается, и в редких, необходимых случаях исторические факты, с которыми оно связано.

Даты создания стихотворений указываются в тексте книги. При отсутствии автографических указаний времени создания стихотворения оно датируется годом первой публикации и дата ставится в угловых скобках. При отсутствии достоверных сведений о времени написания стихотворений даты вовсе не указываются.

Тексты воспроизводятся по новейшим изданиям или, при отсутствии их, по последним прижизненным изданиям автора.

ПОЭТЫ
1790-1830 гг.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX ВЕКА

Г. Р. Державин

(1743—1816)

Гавриил Романович Державин родился в 1743 году в Казанской губернии в семье небогатого мелкопоместного дворянина. Детство и юность его прошли в бедности. Систематического образования будущему поэту получить не пришлось.

В 1762 году, через три года после поступления в открывшуюся в Казани гимназию, Державин был вызван в Петербург и зачислен рядовым солдатом в гвардейский Преображенский полк. Лишь после десятилетней солдатской службы его произвели в офицеры. Он оставался в армии до 1777 года, когда перевелся в штатскую службу в чине коллежского советника, и за двадцать лет прошел служебный путь от сенатского чиновника до министра юстиции при Александре I. В 1803 году Державин вышел в отставку и жил на покое, добившись собственной энергией и талантом богатства и славы.

8 января 1815 года в Царскосельском лицее Державин слушал юного Пушкина, читавшего на публичном экзамене стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», и горячо приветствовал в нем надежду и будущее русской литературы.

Пушкин писал в «Евгении Онегине»: «Старик Державин нас заметил и в гроб сходя благословил». Державин умер 9 июля 1816 года.

Литературное творчество Державина началось с солдатских сатирических стишков на случай, в которых осмеивались сослуживцы и начальники. Эти стишки лишены еще истинной поэзии, но уже в них кое-где проявлялись черты державинского стиля: конкретность, простота и свобода от поэтической условности.

Впервые в печати Державин выступил в 1773 году с прозаическим переводом, а в 1776 году появилась его книжка «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае».

К концу 1770-х годов поэт осознает своеобразие своего творческого пути. В это время создаются такие произведения, как «На рождение порфирородного отрока», «На смерть кн. Мещерского», «Ключ», появившиеся в 1779 году в журнале «Санктпетербургский вестник».

До середины 1790-х годов Державин писал в жанре больших лирических произведений. Им были созданы оды «Бог» (1780—1784), «К Фелице» (1782), «На взятие Измаила» (1790), «Вельможа», «Водопад» и др. Со второй половины 1790-х годов наряду с одами появляются интимно-лирические стихотворения, «анакреонтические» оды и маленькие картинки природы и быта, вроде стихотворения «Русские девушки».

Державин отличался духом подлинного новаторства. Являясь крупнейшим представителем классицизма, он первый из русских поэтов нарушил его жанровые нормы, видоизменяя их в зависимости от тематического содержания и своего индивидуального характера. В его творчестве впервые

появляется индивидуальное лицо автора с особенностями национального характера вместо традиционно-условного образа классицистического поэта и отражаются конкретные черты жизни и быта русского общества его времени. Державин открыл русской поэзии материальный мир с его яркими красками и блеском, выразил гражданские чувства, проникнутые искренним пафосом, и интимные переживания с неподдельной простотой и непосредственностью. Поэзия Державина с ее конкретностью, чертами демократизма, принципом индивидуального своеобразия и личного отношения к поэтическому содержанию оказала огромное влияние на развитие русской литературы. Влияние Державина испытали и поэты-романтики (Гнедич, Рылеев, Катенин, Д. Давыдов, Кюхельбекер, Тютчев, Языков), и реалисты 20—30-х годов (Крылов, Пушкин), и через них демократические поэты 40—60-х годов.

Сочинения Державина издавались неоднократно:

Г. Р. Державин, Сочинения в пяти томах, 1808—1816.

Г. Р. Державин, Сочинения в девяти томах под редакцией Я. К. Грота, изд. Академии наук, 1864—1883.

Г. Р. Державин, Стихотворения, «Советский писатель», большая серия «Библиотеки поэта», 1933.

Г. Р. Державин, Стихотворения, «Советский писатель», малая серия «Библиотеки поэта», 1935.

Г. Р. Державин, Стихотворения, «Советский писатель», малая серия «Библиотеки поэта», второе издание, 1947.

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как знак, сечет.

Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глощает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышням.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
О, горе нам, рожденным в свет!

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех, — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвее косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,

Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен;
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все премежны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев, должно нам конечно.
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779—1783

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья;
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780—1787

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блестаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих
сверкал;

Природа в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку,
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал, — и со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,

Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть

праву
И твердый нрав хранит в свой
век,

И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! —
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Из теремов своих янтарных,
И сребророзовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары

И в досканцах червонцы шлют;
Блажен! — Но с речью сей

незапно

Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена,
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черноогненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосую
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник

славы,

Сидя пред ней на гряде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях

своих

И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиросветлыми очами,
Как в гневе иль в жару,

блеснув,

Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела!
«Мурза! — она вещала мне. —
Ты быть себя счастливым

чаешь,

Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза

несчастный!

И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы

страстны

Едва ли верят на земли:
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. — Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов: — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к

лести

И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них
венцы;

Яд лести их вредит не реже:
А где поэты не лстецы?
И ты Сирен поющих грому,
В вред добродетели, не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой. —
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала. —
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд». —
«Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица?»
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица».
Рекла, — и светлый облак

скрыл

От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! Мой ангел во

плоти!..

Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти;
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но током слезным орошенный
Пришел в себя и возгласил:

«Возможно ль, кроткая
 царевна,
 И ты к Мурзе чтоб своему
 Была сурова столь и гневна,
 И стрелы к сердцу моему
 И ты, и ты чтобы бросала,
 И пламени души моей
 К себе и ты не одобряла?
 Довольно без тебя людей,
 Довольно без тебя поэту
 За каждую мысль, за каждый

стих

Ответствовать лихому свету
 И от сатир щититься злых!
 Довольно золотых кумиров,
 Без чувств мои что песни чли;
 Довольно Кадиев, Факиров,
 Которы в зависти сочли
 Тебе их неприличной лестью:
 Довольно нажил я врагов!
 Иной отнес себе к бесчестию,
 Что не дерут его усов;
 Иному показалось больно,
 Что он наседкой не сидит;
 Иному — очень своевольно
 С тобой Мурза твой говорит;

Иной вменял мне в
 преступленье,
 Что я посланницей с небес
 Тебя быть мыслил в восхищенье
 И лил в восторге токи слез.
 И словом: тот хотел арбуза,
 А тот соленых огурцов;
 Но пусть им здесь докажет
 муза,

Что я не из числа льстецов;
 Что сердца моего товаров
 За деньги я не продаю
 И что не из чужих анбаров
 Тебе наряды я крою;
 Но, венценосна добродетель!
 Не лесь я пел и не мечты,
 А то, чему весь мир свидетель;
 Твои дела суть красоты. —
 Я пел, пою и петь их буду,
 И в шутках правду возведу;
 Татарски песни из-под спуду,
 Как луч, потомству сообщу;
 Как солнце, как луну, поставлю
 Твой образ будущим векам;
 Превознесу тебя, прославлю;
 Тобой бессмертен буду сам.

1783—1791

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
 Моя днесь муза прославляет,
 Которое в очах невежд
 Шутов в вельможи наряжает;
 Не пышности я песнь пою;
 Не истуканы за кристаллом,
 В кивотах блещущи металлом,
 Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
 Которые собою сами
 Умели титулы заслужить
 Похвальными себе делами;
 Кого ни знатный род, ни сан,
 Ни счастье не украшали,
 Но кои доблестью снискали
 Себе почтенье от граждán.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Сей образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благодати душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны;
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука
Против естественного чина
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских супостатов, —
Всяк думает, что я Чупятов,
В марокских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лести
Не обуяла б ум надменный:
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?

Я князь, — коль мой сияет дух;
Владелец, — коль страстями владею;
Болярин, — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал,
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани;
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут,
И в рощах нимфы воспевают —
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных;
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых;
Едва по избыющим грудям
С тобой лежащая Цирцеи

Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь: — а там? —

А там израненный Герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный,
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, — где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Займодавцев полк стоит
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, Сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внимлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! Нет бога!» —
Злодей, увь! — И грянул гром.